

Специальный

выпуск:

Политдень

«Комсомольской
правды»

СОБЕСЕДНИК

Всякий ли субботник
можно назвать коммуни-
стическим?

Автор отличного сочинения о нравствен-
ности спекулирует модными вещами.
Сколько же стоят его убеждения?

Китай: как живут за ка-
менной стеной? — спраши-
вает рабочий Н. Касьянов.

В ГОСТЯХ У «СОБЕСЕДНИКА»

Виталий Коротич:

«НАДО ТРЕВОЖИТЬ СВОЮ ПАМЯТЬ»

Третий год по украинскому радио звучит ежемесячная передача «Взгляд на жизнь», которую ведет писатель Виталий Коротич. Широка тематика его публицистических бесед. Они вызывают заинтересованный отклик. Сама слушатели в многочисленных письмах и подсказывают тему разговора.

Сегодня писатель ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ — гость «Собеседника».

СОВСЕМ НЕДАВНО событием культурной жизни Украины стала премьера пьесы драматурга Микола Зарудного «Тыл», состоявшаяся в Киеве. Спектакль был о войне. Причем о самом жестоком и кровавом ее периоде, о месяцах отступления, о том, как мы крепили в противостоянии, как вызревала Победа. Представление прошло очень хорошо, зрители были искренне взволнованы. Я отправился за кулисы поздравить автора и актеров. И вот что выяснилось в разговоре, когда все создатели спектакля собрались вместе: только трое из них участвовали в Великой Отечественной. Победа все дальше уходит в историю. И прекрасно, что мы столько делаем, чтобы сохранить остроту своей памяти, жгущую нас сквозь все временности. Потому что есть события и ощущения — непреходящие, они формируют нас, вдохнов-

ляют и делают людьми. У нас ведь общество с очень хорошей памятью. Нельзя, чтобы она слабела.

Нам столько уже раз подсказывали, да что там — почти приказывали из-за кордона: «Забудьте!» Именно потому, что любой из наших противников понимает поучительную силу уроков, извлекаемых советским обществом из каждой победы и каждого поражения. Всенародно обдумываемого опыта. Существуют даже красиво сформулированные теории, объясняющие, почему «надо забыть». Кое-кто в пример приводит наши отношения с миром вещей, где почти ничего не существует надолго. Вот и рекомендуют нам время от времени «доброхоты» интересоваться миром вещей все прилежнее.

Ведь и вправду мы живем среди вещей переходящих, вещей на одно пользование, на одну моду. Вспомните о бумажных стаканчиках, молочных пакетах. Даже дома в городах строятся иногда на пару десятков лет, а там, мол, видно будет. Вправду: мы иногда засуетимся и незаметно набираем одежду, которые не хотим носить, потому что они вышли из моды. Книжки, что были модными, а читать их не хочется, ибо они неинтересны. Так ли уж по-хозяйски мы расшвыряли одно, а набирали другое?

Поделись собственным опы-

том, расскажу об одном случае.

Должно быть, многие помнят, как несколько лет назад территорию Украины задело землетрясение. Серьезно повредив немало населенных пунктов Румынии, к нам оно дошло слабым отзвуком подземной грозы, и в центре республики едва ощущалось. Но все-таки люстра под потолком моего киевского жилья покачнулась, со стола упала книга.

Всей семьей мы начали обрабатывать, что может случиться, если толчки повторятся. И решили в случае продолжения землетрясения собрать самое необходимое и выйти на улицу.

Так и сделали. И тут оказалось, что вещи, подлежащие безусловному сохранению, ценность которых сомнению не подлежит, великолепно разместились в небольшом портфельчике, который легко было взять с собой. Документы, еще какая-то мелочь, совсем немного. Взяв в руки портфель, я обзвел вещи, остающиеся в квартире, без каждой из которых, я, оказывается, вполне мог жить.

Надо обдумывать свой мир, надо отряхиваться время от времени от неискренних приятелей, необязательных слов и вещей, спихивать с души все, из-под чего душа не видна. Собственную спокойную зрелость я ощутил, как же-

вание отряхнуться, как знание цены людям, вещам, событиям. А как же без этого? В обществе и в любом из нас непременно должна существовать непоколебимая система критериев и иерархия ценностей, с которыми мы и ощущаем свой мир особенно полно. И здесь не существует мелочей или подробностей несущественных.

Я начал разговор с воспоминания о спектакле, посвященном войне и победе. Мы наполнены памятью. В том числе мы живем памятью о том, что вся советская история возводилась на подвигах и на крови лучших детей Революции. Здесь все поучительно. И нарком продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа, падающий в голодные обмороки, и парализованный, потерявший зрение Николай Островский, диктующий великую книгу. И подвиг ленинской жизни... Мне хочется напомнить о том, что связь времен должна быть нерасторжимой. Каждый должен найти свое собственное место в последовательной народной жизни.

Надо всегда помнить, в какой стране ты живешь и какой народ дал тебе речь, память и основу жизни твоей. Помнить накрепко. И понимать, что мешает нам жить, двигаться вперед. Существует и «параллельный мир» — я называю его так, — где все из-

мерения непохожи на наши. Что за мир я имею в виду? Тот, что создаем своей терпимостью, поощряем и даже воспитываем, мир, несовместимый с нашим собственным. Я могу рассказать вам о школьнике, который написал на пятерку сочинение о темном царстве торгашества и других пережитках прошлого, увековеченных в художественной литературе. Школьник написал сочинение, а затем перепродал своим знакомым разные модные тряпки.

Если мы не удивляемся его поведению, то почему же нам должна казаться странной другая ситуация: такси не останавливается, таксисту не по дороге. Зато машина из «параллельного» мира тут как тут. И подвезет без капризов. Мы позволяем себе забыть, что водитель в споре с нами обокрал государство. Мелочи жизни... Мы пользуемся услугами «параллельного мира» привычно. Доставали привезут вам даже слона, пригонят автомобиль любой марки, добудут что угодно. Иные почти не стыдятся этого. Привыкли...

Откуда эта глухота? Не от сытости ли иных, не от переизбытка? Не в буквальном, конечно, смысле. Переизбыток вещей, пресыщенности. Сейчас много и правильно говорят о хлебе. Ведь тема хлеба — это тема отношения к на-

родному труду, к богатству, к истории. Наше неумение, а порой нежелание экономить хлеб, оборачивается во многих случаях потерями материальными и моральными. За почти сорок послевоенных лет у нас родилось несколько поколений, не знавших голода и бедности. Говорю об этом с удовольствием. Если мне больно, то прежде всего от того, что не каждый знает и уважает цену устроенности и сытости.

Свадебка на сто малознакомых персон — признак широты натуры, и ничего больше? Сколько мы ни возражаем, сколько ни протестуем против этого, толку почти никакого. Видно, что-то мы тут потеряли. Помню, как долго еще после войны и сам я, и люди вокруг меня вытирали тарелки хлебом. Правильно хорошего тона было умение быть экономным.

Где же оно? Почему мы с таким трудом пытаемся его возродить? Откуда категория людей, ведущих себя, как купцы из старых анекдотов? Помогите, мы сыты и успокоены сверх меры. Надо говорить и думать об этом постоянно, потому что это стало проблемой. Надо будоражить свою память. И знать, что каждый из нас в иной день выбрасывает куда больше продуктов, чем сорок лет назад выдавали по карточкам на всю семью.

Критерии отношения к жизни должны быть твердыми смолоду, их надо беречь, как честь, передавать из поколения в поколение. Критерии строгого и взыскательного взгляда на мир.